

**Ирина Сергеевна
ПЛАТИЦЫНА,**

генеральный директор

ООО «Персонал М»

smolich08@mail.ru

109651, Россия, г. Москва,

Батайский проезд, д. 35

**Юрий Григорьевич
ШПАКОВСКИЙ,**

профессор кафедры

экологического

и природоресурсного права

Университета имени

О.Е. Кутафина (МГЮА),

доктор юридических наук,

профессор

yurii-rags@yandex.ru

125993, Россия, г. Москва,

ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Искусственный интеллект: экономические и правовые аспекты инноваций в эпоху цифровой трансформации Большой Евразии¹

Аннотация. В Послании Федеральному Собранию в феврале 2024 г. Президент Российской Федерации особо остановился на необходимости достижения технологического суверенитета в сквозных сферах, которые обеспечивают устойчивость всей экономики страны. В этих условиях большое научное значение и актуальность имеет трансформация цифровизации России, ЕАЭС на основе ускоренного внедрения технологий искусственного интеллекта.

Авторы статьи акцентируют внимание на том, что интенсивная цифровая трансформация актуализирует потребность в формировании институциональной среды и стандартов, регламентирующих разработку и имплементацию цифровых решений. Особое внимание уделяется стратегической значимости технологий искусственного интеллекта, которые в условиях геополитической нестабильности и санкционного давления трансформируются в ключевой инструмент поддержания экономического суверенитета и национальной безопасности.

В статье анализируется современный этап развития искусственного интеллекта. Особое внимание уделяется цифровой трансформации промышленности в лидирующих в этой области странах (США, Германии, Китае) и России. Изучаются государственная политика США, Китая и России в сфере искусственного интеллекта, а также правовые вызовы регулирования результатов интеллектуальной деятельности, созданных с помощью искусственного интеллекта, и необходимость адаптации правовых институтов без их радикального слома.

Ключевые слова: искусственный интеллект, Большая Евразия, цифровая трансформация, ЕАЭС, правовое регулирование ИИ, национальные стратегии ИИ, санкционное давление

DOI: 10.17803/2311-5998.2026.142.6.170-180

Irina S. PLATITSYNA,

General Director of LLC "Personnel M"

smolich08@mail.ru

35, Bataysky proyezd, Moscow, Russia, 109651

Yuri G. SHPAKOVSKII,

Professor, Ecological and

Natural Resources Law Department of the

Kutafin Moscow State Law University (MSAL),

Dr. Sci. (Law), Professor

yurii-rags@yandex.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

**Artificial Intelligence:
Economic and Legal Aspects of Innovation
in the Era of Digital Transformation in Greater Eurasia**

Abstract. *In his Address to the Federal Assembly in February 2024, the President of the Russian Federation emphasized the need to achieve technological sovereignty in cross-cutting areas that ensure the sustainability of the entire country's economy. In this context, the transformation of Russia's and the EAEU's digitalization based on the accelerated implementation of artificial intelligence technologies holds significant scientific importance and relevance.*

The authors of the article emphasize that intensive digital transformation highlights the need to create an institutional environment and standards that regulate the development and implementation of digital solutions. Special attention is paid to the strategic importance of artificial intelligence technologies, which are transforming into a key tool for maintaining economic sovereignty and national security in the context of geopolitical instability and sanctions pressure.

The article analyzes the current stage of artificial intelligence development. Special attention is paid to the digital transformation of industry in leading countries (the United States, Germany, and China) and Russia. The study examines the state policies of the United States, China, and Russia in the field of artificial intelligence, as well as the legal challenges of regulating the results of intellectual activity created using artificial intelligence and the need to adapt legal institutions without radically changing them.

Keywords: *artificial intelligence, Greater Eurasia, digital transformation, EAEU, legal regulation of AI, national AI strategies, and sanctions pressure.*

Прогресс невозможен без изменений, и те,
кто не способен изменить свои взгляды,
не могут изменить ничего.

Джордж Бернард Шоу

Сегодня можно констатировать, что искусственный интеллект (ИИ) окончательно перешел из технологической повестки в сферу «большой политики». Почему с уверенностью можно об этом говорить? Искусственный интеллект играет все более важную роль в различных сферах нашей жизни, но его влияние уже не ограничивается отдельными областями. Развитие ИИ имеет значительные последствия для глобального порядка и международных отношений. Фундаментальная трансформация системы международных отношений под влиянием ИИ обостряет противоречие между технологическим развитием и глобальной стабильностью.

Сегодня о проблемах развития ИИ мы говорим исключительно в контексте цифровизации. Хотя цифровизация и искусственный интеллект — два тесно связанных, но не тождественных понятия, в современном мире ИИ становится ключевым инструментом и ускорителем цифровой трансформации.

В 2024 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла первую резолюцию о регулировании ИИ. В Резолюции содержится призыв «преодолеть разрыв в сфере искусственного интеллекта и иных цифровых технологий между странами и в них», а также обеспечивать равный и справедливый доступ к преимуществам цифровой трансформации и безопасных систем ИИ².

Но реально ли в современном мире выстроить справедливую и равноправную модель развития ИИ, когда 90 % всех ИИ-мощностей сконцентрированы в США и Китае? В этих условиях глобальные факторы развития технологий ИИ становятся предметом пристального внимания исследователей и политиков. Особенно актуальным является выявление объективных предпосылок формирования глобального управления развитием ИИ в странах Большой Евразии, а главное — противостоять растущему влиянию на развитие данной сферы США и Европейского Союза.

Важно отметить, что в современном мире этап развития технологий, связанный с ИИ, характеризуется беспрецедентной скоростью изменений: распространение ИИ в мире во второй половине 2025 г. охватило 16,3 % населения (в разных странах доля варьируется от 5,1 до 64 %³).

Ведущие мировые державы и корпорации активно трансформируют промышленность, переходя от традиционного производства к интеллектуальным системам.

Каждые несколько месяцев появляются языковые модели, значительно превосходящие предыдущие версии по возможностям: можно привести в пример переход от Claude Opus 4.7 к Claude Opus 4.8 (Anthropic, май 2026), выпуск MAI-Thinking-1 (Microsoft, июнь 2026), Gemini 3.5 Flash (Google), а также очередные

² URL: <https://new.ras.ru/press-center/pervuyu-rezolyutsiyu-o-regulirovanii-iskusstvennogo-intellekta-prinyala-generalnaya-assambleya-onn/> (дата обращения: 09.07.2026).

³ URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/25/01/2026/696f789f9a7947d7f698bcd0 (дата обращения: 25.06.2026).

итерации GPT-5.x (OpenAI). Это заставляет компании и государства ускорять инвестиции в инфраструктуру и кадры. В результате способность быстро адаптироваться и направлять развитие ИИ в устойчивое русло превратится в ближайшие годы в ключевое конкурентное преимущество для стран и бизнеса.

На государственном уровне подобный подход к ускоренному внедрению ИИ в производственный сектор активно поддерживается в США. Хотя китайские компании, работающие в высокотехнологической отрасли, заметно усилили конкуренцию с американскими, однако первенство в мировой технологической сфере по-прежнему удерживают Соединенные Штаты. Благодаря этому они могут сами решать, кому, на каких условиях и в каком объеме передавать собственные разработки, а также оказывать влияние на международные информационные потоки. В результате большие языковые модели, созданные крупнейшими IT-корпорациями США, распространяются все шире⁴.

В США рассматривают ИИ прежде всего как геополитическую гонку с Китаем. При этом политика в сфере ИИ строится на трех ключевых принципах: максимальное ускорение развития американского искусственного интеллекта, минимальное государственное регулирование, в частности на уровне штатов, и идеологическая нейтральность ИИ в государственном секторе. В основе президентской политики лежит ряд основополагающих документов, основным из которых является *Winning the Race: America's AI Action Plan* (White House, 2025) — стратегический план, который определил вектор развития американского ИИ на ближайшие годы. Документ опирается на три ключевых столпа: максимальное ускорение инноваций путем снятия регуляторных барьеров (*Accelerate AI Innovation, Build*), масштабное строительство дата-центров и энергетической инфраструктуры (*American AI Infrastructure*) и лидерство в международной дипломатии и безопасности в сфере ИИ (*Lead in International AI Diplomacy and Security*), в том числе продвижение американских стандартов на международной арене и противодействие технологическому доминированию Китая⁵.

Другим важным документом стал Указ “Preventing Woke AI in the Federal Government” (Trump, 2025), который ввел идеологический критерий в государственные закупки ИИ. Согласно этому документу, федеральные органы могут приобретать только те модели больших языковых моделей (LLM), которые соответствуют принципам идеологической нейтральности⁶. Этот Указ стал первым случаем, когда идеологическая ориентация ИИ-моделей была напрямую закреплена как критерий государственной политики США.

⁴ Панцеров К. А. Технологии искусственного интеллекта как основа обеспечения технологического суверенитета: вызовы и угрозы для стран ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2026. Т. 20. № 2.

⁵ White House. (2025). *Winning the Race: America's AI Action Plan*. July 2025 // URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/07/americas-ai-action-plan.pdf> (дата обращения: 17.06.2026).

⁶ Trump D. J. Executive Order 14319 — Preventing Woke AI in the Federal Government, July 23, 2025 // Federal Register. 2025. Vol. 90. No. 142. P. 35389—35391. URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2025/07/28/2025-14217/preventing-woke-ai-in-the-federal-government> (дата обращения: 17.06.2026).

Главная стратегическая цель — обеспечить безусловное технологическое и экономическое доминирование США в мире. За счет осуществления масштабных инвестиций в интеграцию ИИ в реальные сектора экономики происходит быстрая трансформация целых отраслей — от медицины и производства до экологии и образования. Многие корпорации перекраивают свои производства, делая ИИ главным вектором своих инвестиций.

В КНР приоритетом высшего уровня выступает развитие воплощенного искусственного интеллекта (embodied AI) и антропоморфной робототехники. Главным стратегическим документом в этой области стали Мнения Государственного совета КНР об углубленной реализации инициативы «Искусственный интеллект+». Документ определяет AI+ как ключевой механизм формирования «новых качественных производительных сил» и ставит задачу обеспечить широкомасштабную интеграцию искусственного интеллекта с реальной экономикой, особенно в промышленном секторе⁷.

В рамках этой стратегии Китай активно стимулирует разработку и внедрение человекоподобных (humanoid) роботов, рассматривая их как ключевой элемент будущей интеллектуальной производственной системы. Основной целью является глубокая интеграция ИИ с шестью приоритетными отраслями. Согласно официальному документу, уровень интеграции ИИ должен превысить 70 % к 2027 г., 90 % к 2030 г., а к 2035 г. — завершиться полным формированием «интеллектуальной экономики и общества»⁸.

В России государственная повестка сфокусирована на системном внедрении генеративного ИИ и автономных платформ в промышленность, сельское хозяйство, энергетику и логистику. Данный процесс демонстрирует значительную динамику и охватывает как ведущие технологические компании, так и крупные промышленные предприятия, способствуя цифровой трансформации реального сектора экономики.

Как подчеркнул Президент России В. В. Путин, «искусственный интеллект наряду с цифровыми платформами и автономными системами формирует принципиально иной облик экономики, общественных отношений, социальной сферы, образования, здравоохранения, логистики и промышленности, обороны и безопасности»⁹. Он отметил необходимость «фронтального внедрения» ИИ во всех ключевых отраслях, включая производство, логистику, энергетику, управление и образование, поставив задачу сформировать национальный план внедрения генеративного искусственного интеллекта на уровне всей страны к 2030 г.¹⁰

⁷ Государственный совет КНР. (2025). Постановление № 11 «Об углубленной реализации инициативы “Искусственный интеллект+”» // Официальный сайт Центрального народного правительства КНР. URL: <http://www.gov.cn> (дата обращения: 20.06.2026).

⁸ Министерство промышленности и информационных технологий КНР (MIIT). (2026). Action Plan for Deep Integration of Artificial Intelligence with Key Industries.

⁹ Путин В. В. Выступление на заседании Совета по развитию искусственного интеллекта при Президенте Российской Федерации (2025—2026) // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news> (дата обращения: 20.06.2026).

¹⁰ Путин В. В. Поручения и выступления по национальным целям развития искусственного интеллекта (2025—2026) // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru>.

Такие установки задают стратегический вектор цифровой трансформации российской экономики и подчеркивают приоритетность широкого внедрения ИИ в реальном секторе.

Ключевыми игроками на этом направлении выступают «Сбер» и «Яндекс», которые разрабатывают и внедряют промышленные ИИ-решения в партнерстве с крупными предприятиями. «Сбер» активно продвигает GigaChat и платформу ZIIoT (совместно с ГК «Цифра»), создавая ИИ-агентов для оптимизации производства, предиктивного обслуживания оборудования и управления технологическими процессами¹¹.

«Яндекс» развивает YandexGPT и платформу AI Studio, позволяющие создавать промышленных агентов. Эти решения уже применяются в компаниях «Норникель», «Газпром нефть» и других для анализа данных, прогнозирования и оптимизации технологических режимов¹².

Значительный вклад вносит компания Cognitive Pilot («Когнитив Роботикс»), разрабатывающая системы автономного управления на базе ИИ для сельскохозяйственной и промышленной техники, включая беспилотные роботы-тягачи и обходчики¹³.

Крупные промышленные холдинги, такие как «Русал», «Норникель», «ЕвроХим» и «Северсталь», активно внедряют машинное зрение, предиктивную аналитику и генеративный ИИ для повышения эффективности производства и снижения издержек¹⁴.

Реализация этих инициатив осуществляется в рамках Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490¹⁵. Стратегия направлена на достижение устойчивой конкурентоспособности российской экономики, обеспечение лидирующих позиций в мире по отдельным направлениям ИИ, укрепление национальной безопасности и рост благосостояния населения¹⁶.

Ключевыми целевыми показателями Стратегии к 2030 г. являются: рост совокупной производительности отечественных ИИ-суперкомпьютеров до 1 эксафлопса, совокупный прирост ВВП за счет ИИ — не менее 11,2 трлн рублей

¹¹ Промышленная платформа ZIIoT на базе GigaChat (2026) // Официальный сайт Сбера. URL: <https://www.sber.ru> (дата обращения: 20.06.2026).

¹² YandexGPT и AI Studio для промышленности. Корпоративные кейсы («Норникель», «Газпром нефть») (2026) // URL: yandex.ru/company/ai.

¹³ Cognitive Pilot. (2026). Автономные системы управления на базе ИИ // URL: cognitivepilot.com.

¹⁴ «Русал», «Норникель», «ЕвроХим», «Северсталь». Корпоративные отчеты по цифровизации и внедрению ИИ (машинное зрение, предиктивная аналитика). (2025—2026). Разделы Sustainability (Digital Transformation на официальных сайтах компаний).

¹⁵ Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (ред. от 15.02.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201910100035> (дата обращения: 17.06.2026).

¹⁶ Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (обновленная редакция) // URL: government.ru или ai.gov.ru.

(накопленным итогом), а также увеличение объема рынка услуг в сфере ИИ до 60 млрд рублей в год. Стратегия акцентирует внимание на развитии отечественной инфраструктуры, подготовке кадров, создании доверенных ИИ-решений и стимулировании внедрения технологий в приоритетных отраслях, включая промышленность и энергетику¹⁷.

Таким образом, глобальная трансформация производства на базе ИИ кардинально меняет мировую промышленность, вовлекая в этот процесс как лидеров мирового рынка, так и российские предприятия, что в конечном итоге укрепляет конкурентные позиции отечественного производства.

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта обнажает серьезные проблемы правового регулирования. Законодательная база во многих странах, включая Россию, существенно отстает от реальной скорости технологического прогресса. Ключевыми вызовами остаются вопросы ответственности за действия ИИ, определение правового статуса генерируемого контента, защита авторских прав при обучении моделей на больших массивах данных, а также борьба с deepfake, дискриминацией и иными рисками. В условиях, когда ИИ все чаще принимает решения с минимальным участием человека, отсутствие четких правовых механизмов создает значительную правовую неопределенность и повышает риски как для бизнеса, так и для общества в целом.

На глобальном уровне основными вопросами остаются ответственность за действия ИИ-систем, защита интеллектуальной собственности, кибербезопасность и предотвращение дискриминации.

Одним из первых в мире всеобъемлющих и системных нормативных актов, регулирующих сферу искусственного интеллекта, стал AI Act (Regulation (EU) 2024/1689) Европейского союза. Закон был принят в 2024 г. и полностью вступил в силу в 2026 г. Европейский AI Act вводит первый в мире комплексный риск-ориентированный подход к регулированию искусственного интеллекта. В зависимости от уровня потенциального риска все ИИ-системы разделены на несколько категорий: от минимальных требований для низкорисковых приложений (например, спам-фильтры) до строгих обязательных норм для высокорисковых систем. Особо жесткое регулирование применяется к ИИ, используемому в критически важных областях — промышленности, энергетике, транспорте, медицине и сфере занятости.

Для таких систем предусмотрены обязательные процедуры: независимый аудит, обеспечение прозрачности алгоритмов, ведение подробной технической документации, проведение оценки влияния на права человека, а также сохранение значимого человеческого контроля над принятием решений. Нарушение требований AI Act влечет серьезные штрафы — до 35 млн евро или 7 % от глобального годового оборота компании¹⁸.

¹⁷ Минэкономразвития РФ, Минцифры РФ (2026). Доклады о ходе реализации Национальной стратегии ИИ.

¹⁸ Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. L series. 2024. № 1689. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj> (дата обращения: 17.06.2026).

В отличие от жесткого и комплексного AI Act в ЕС, в США федеральное регулирование ИИ остается минимальным и носит фрагментарный характер.

Нынешняя администрация США сознательно выбрала стратегию максимального ускорения развития ИИ при минимальном государственном вмешательстве. При этом ярко выраженный либерально-ускоряющий подход к регулированию ИИ в США принципиально отличается от риск-ориентированной модели Европейского союза. Государство сознательно минимизирует регуляторную нагрузку, рассматривая искусственный интеллект в первую очередь как инструмент геополитической и экономической конкуренции с Китаем.

На федеральном уровне в США отсутствует единый комплексный закон об искусственном интеллекте. Регулирование искусственного интеллекта в США на федеральном уровне осуществляется преимущественно в секторальном формате. Оно реализуется через отдельные нормативные акты и отраслевые стандарты в ключевых сферах, таких как здравоохранение, транспорт, национальная оборона и финансовый сектор. При этом вопросы ответственности за действия ИИ-систем регулируются в основном общими нормами гражданского и уголовного права. Компании-разработчики и операторы несут ответственность за предсказуемый вред, причиненный использованием их технологий.

Китай также одним из первых в мире внедрил специализированное нормативное регулирование генеративного искусственного интеллекта. Основные нормативные акты в данной сфере устанавливают строгие требования к содержанию и обязательной маркировке материалов, созданных с помощью генеративного ИИ.

Согласно утвержденным в 2023 г. правовым актам — Временным мерам по управлению услугами генеративного искусственного интеллекта (Interim Measures for the Management of Generative Artificial Intelligence Services)¹⁹ и Положению об управлении технологиями глубинного синтеза (Regulation on the Management of Deep Synthesis Technology)²⁰ — провайдеры сервисов обязаны не только осуществлять обязательную маркировку всего генерируемого контента, применяя при этом различные «водяные знаки», но и внедрять системы обнаружения и блокирования генерации запрещенного контента, включая политически чувствительную информацию, а также вести учет данных обучения и пользовательских запросов для целей последующего государственного контроля. При этом особое внимание в регулировании уделяется обеспечению соответствия контента социалистическим ценностям и предотвращению распространения информации, представляющей угрозу национальной безопасности и общественной стабильности.

Таким образом, китайская модель правового регулирования искусственного интеллекта носит ярко выраженный контент-ориентированный и государственно-контролирующий характер, существенно отличающийся как от риск-ориентированного

¹⁹ Interim Measures for the Management of Generative Artificial Intelligence Services (2023) // Cyberspace Administration of China. URL: http://www.cac.gov.cn/2023-07/13/c_1690898327029107.htm (дата обращения: 17.06.2026).

²⁰ Regulation on the Management of Deep Synthesis Technology (互联网信息服务深度合成管理规定), 2022 // Cyberspace Administration of China. URL: http://www.cac.gov.cn/2022-12/11/c_1672221949354811.htm (дата обращения: 17.06.2026).

подхода Европейского союза, так и от либерального, инновационно-ориентированного подхода США.

В России правовое регулирование искусственного интеллекта носит фрагментарный развивающийся характер. Основным стратегическим документом остается Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года.

На законодательном уровне в настоящее время действуют:

- Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» (так называемых регуляторных песочницах)²¹;
- Федеральный закон от 2024 г. № 498-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам искусственного интеллекта», который вводит отдельные нормы об ответственности и обязательной маркировке ИИ-генерируемого контента²².

В 2026 г. находится в стадии активной разработки и общественного обсуждения проект федерального закона «Об искусственном интеллекте». В нем предполагается урегулировать ключевые вопросы, включая ответственность за вред, причиненный ИИ, правовой статус результатов генерации ИИ, а также защиту авторских прав при использовании произведений для обучения моделей²³.

Указом Президента РФ от 26.02.2026 № 116 создана Комиссия при Президенте Российской Федерации по вопросам развития технологий искусственного интеллекта. Ее цель — координация деятельности федеральных органов государственной власти, Банка России, органов государственной власти субъектов РФ, иных государственных органов и заинтересованных организаций по вопросам разработки согласованных подходов к формированию и реализации государственной политики в области создания, развития и внедрения технологий искусственного интеллекта.

Что касается позиции ведущих российских правоведов, то они демонстрируют высокую степень единства по фундаментальному вопросу правового статуса результатов искусственного интеллекта. Большинство экспертов²⁴ сходятся во мнении, что цифровые объекты, включая результаты работы ИИ, должны обладать особым правовым режимом в системе гражданского права, сопоставимым с уже существующими категориями объектов — вещными, обязательственными,

²¹ СПС «КонсультантПлюс».

²² СПС «КонсультантПлюс».

²³ Проект федерального закона «Об искусственном интеллекте» (по состоянию на 2026 г.).

²⁴ См., например: *Близнец И. А.* Интеллектуальная собственность и искусственный интеллект: проблемы и перспективы правового регулирования // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2025. № 4. С. 12—18; *Бевзенко Р. С.* Цифровые объекты гражданских прав: проблемы квалификации и правового режима // Вестник гражданского права. 2025. № 2. С. 45—67; *Серго А. Г.* Искусственный интеллект и гражданское право: перспективы развития законодательства // Журнал российского права. 2025. № 4. С. 78—92; *Новоселова Л. А.* Конфликт интересов авторов и разработчиков ИИ: где выход? // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. № 4 (50). С. 41—49.

корпоративными или интеллектуальными правами²⁵. На сегодняшний день полноценный правовой режим для таких объектов в российском законодательстве отсутствует.

Таким образом, в российской правовой доктрине преобладает подход, направленный не на создание новых субъектов права, а на формирование полноценного специального правового режима для цифровых объектов в рамках действующей системы гражданского законодательства²⁶.

Может ли Евразия стать единой цифровой экосистемой? На сегодняшний день санкционная политика, которую проводит коллективный Запад, вызывает геоэкономическое расслоение и ослабляет связность евразийского пространства. Одним из вариантов ответа на этот вызов может быть объединение «Цифровой шелковый путь» с цифровыми инициативами ЕАЭС, что позволит повысить технологическую устойчивость Евразии.

Идея формирования общей цифровой экосистемы Большой Евразии действительно имеет широкий размах, но на практике это не один готовый проект, а набор разрозненных инициатив и процессов, которые по мере развития постепенно объединяются в единую систему.

По мнению авторов, в условиях мировой цифровой трансформации, ускоренного внедрения ИИ-технологий во все сферы жизни требуется формирование особых правовых инструментов. Это объективно приобретает стратегическое значение для технологической независимости страны и ее устойчивого развития. Частично эти вопросы нашли отражение в Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года, утвержденных решением Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 № 12.

Формирование глобального цифрового управления, в том числе регулирование развития искусственного интеллекта в странах Большой Евразии, будет определяться не только темпами технологического прогресса и объемом инвестиций, но и способностью правовых систем каждого государства региона эффективно адаптироваться к новым вызовам. При этом важно обеспечивать баланс между защитой прав человека, экономической стабильностью и повышением национальной конкурентоспособности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бевзенко Р. С. Цифровые объекты гражданских прав: проблемы квалификации и правового режима // Вестник гражданского права. — 2025. — № 2. — С. 45—67.
2. Блинец И. А. Интеллектуальная собственность и искусственный интеллект: проблемы и перспективы правового регулирования // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2025. — № 4. — С. 12—18.

²⁵ Новоселова Л. А. Правовые проблемы использования искусственного интеллекта // Материалы круглого стола. М. : МГУ имени М.В.Ломоносова, 2025.

²⁶ Серго А. Г. Указ. соч.

3. Новоселова Л. А. Правовые проблемы использования искусственного интеллекта // Материалы круглого стола. — М. : МГУ имени М.В.Ломоносова, 2025.
4. Панцеров К. А. Технологии искусственного интеллекта как основа обеспечения технологического суверенитета: вызовы и угрозы для стран ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. — 2026. — Т. 20. — № 2.
5. Серго А. Г. Искусственный интеллект и гражданское право: перспективы развития законодательства // Журнал российского права. — 2025. — № 4. — С. 78—92.